

Ф. П. ФИЛИН

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Как известно, существуют разные оценки достоверности реконструкций древнейшего общеславянского (праславянского) языка, как и других древних языков дописьменной эпохи. Для одних лингвистов единственной реальностью являются лишь соответствия между родственными языками, а гипотетические общие формы под звездочкой представляют собой только условные обозначения устанавливаемых сравнительным языкознанием рядов соответствий. С этой точки зрения восстановить исходный праязык как конкретную лингвистическую единицу, как она существовала когда-то на самом деле, в принципе невозможно. Из этого следует, что определение времени возникновения и существования дописьменного праязыка и поиски прародины его носителей — дело малоперспективное или даже вовсе безнадежное. «Было бы напрасно пытаться локализовать общеславянский язык», — писал, например, А. Мейе¹.

Для других лингвистов, наоборот, реконструируемый чуть ли не во всех его частностях праязык — реальная языковая система, которая дает принципиальную возможность составлять на этом языке речевые тексты. Общеславянский язык последнего периода его существования отождествляется с исторически засвидетельствованным старославянским языком или, по крайней мере, считается очень близким к нему. Время распада общеславянского языка нередко относится к X—XI вв. и приурочивается к падению редуцированных гласных ѣ и ѣ, диалектные расхождения между славянскими областями сводятся к минимуму (утверждается, что славяне в X—XI вв. в языковом отношении различались не больше или даже меньше, чем современные северновеликорусские и южновеликорусские говоры). Гипотезы о периодах развития праславянского языка и славянской прародине превращаются в догмы, которые любыми способами отстаиваются их сторонниками.

Разумеется, между крайними точками зрения существует множество промежуточных, более умеренных. Первый в нашем изложении, скептический подход к проблеме происхождения славянских языков имеет под собой известные основания. Очень многие реконструкции отдельных особенностей праславянского языка противоречивы и, следовательно, условны. Достаточно вспомнить, например, весьма различные, даже исключаящие друг друга толкования того, как звучал праславянский ѣ. Продолжается острая дискуссия о происхождении аканья и оканья: одни лингвисты (в их числе автор этих строк) полагают, что эти явления непосредственно связаны с особенностями фонетической системы праславянского языка, другие решительно отрицают эту гипотезу и настаивают на позднем происхождении аканья. Современное сравнительно-историческое славянское языкознание, можно сказать, полно примерами противоречивых реконструкций исходных праславянских форм на всех языковых уровнях. А там, где нет однозначных решений, мы имеем дело лишь с более или менее веро-

¹ А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 13.

ятными (или вовсе невероятными) предположениями, а не с точно установленными фактами.

То же можно сказать и об общих концепциях определения праславянского языка во времени и пространстве. Время выделения древнейшего славянского языка, как и самих славян как особого этнического сообщества, из праиндоевропейской среды называется разными учеными вполне произвольно. Одни исследователи зарождение славян и славянской речи приурочивают к III тысячелетию до н. э. (эпохе позднего неолита), другие — к середине II тысячелетия до н. э. (например, Т. Лер-Сплавинский), третьи — ко второй половине I тысячелетия до н. э.; есть и иные точки зрения. Со времени Н. Ван-Вейка опубликовано множество не менее произвольных, основывающихся на относительной хронологии отдельных реконструируемых явлений или же на общих соображениях, периодизаций истории праславянского языка. Распад этого языка и возникновение отдельных славянских языков одними лингвистами относится к III—IV вв. н. э., другими к VI—VII вв., а третьими даже к X—XI вв., т. е. ко времени, хорошо засвидетельствованному историческими источниками. Проблеме славянской прародины посвящена огромная литература. Среди множества взаимоисключающих гипотез в настоящее время наиболее широкое распространение имеют висло-одерская и среднеднепровско-западнобугская гипотезы, а также попытки примирить их путем выдвижения компромиссного предположения, согласно которому праславяне занимали территорию между средним течением Днепра и верхним и средним течением Вислы. Постоянно выдвигаются и иные гипотезы. В дискуссии на эту тему нередко примешиваются соображения, лежащие за пределами науки, а также изрядная доля фантазии.

И все же, несмотря на неизученность многих важных сторон доисторического прошлого славянских языков, мы не можем видеть в реконструкциях исходных праславянских форм только условные обозначения рядов соответствий, за которыми не стоит никакой исторической реальности. Абсолютизировать эту условность в сущности означало бы лишить сравнительно-историческое языкознание познавательного смысла. Для языкознания, как и для любой другой науки, важны не столько правила описания предмета, сколько главная, онтологическая задача — познание предмета с присущими ему закономерностями, не зависимыми от исследовательского произвола. Многого мы не знаем, но это еще не познанное отнюдь не является непознаваемым в принципе. Уже и теперь можно сказать без преувеличения, что достижения славянского сравнительно-исторического языкознания весьма значительны. Если мы еще не близки к тому, чтобы восстанавливать связные тексты праславянского языка, особенно ранних этапов его развития, которые были бы тождественны реально звучавшей доисторической славянской речи, то во всяком случае уже имеющихся знаний о праславянском языке достаточно, чтобы отличить его от любого другого индоевропейского языка. Иными словами, основа для дальнейших исследований этой проблемы уже создана. Скептическая позиция в данном вопросе самая легкая и самая удобная, но и самая бесперспективная. Еще на заре славянской истории славяне отчетливо представляли единство своего происхождения и общность их языков и даже ставили, подобно древнерусскому летописцу начала XII в., вопросы: «откуда есть пошла руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити и откуда руская земля стала есть», и по своему отвечали на них. В течение многих столетий проблема происхождения славян и их языков продолжала обсуждаться, не будет оставлена она и в будущем в силу своей научной и общественной значимости. На данном этапе развития науки очевидно, что проблема происхождения славян и славянских языков включа-

ет в себя огромный комплекс вопросов, подлежащих ведению многих научных дисциплин.

Все существующие гипотезы имеют один главный недостаток: отсутствие многих необходимых фактических данных восполняется произвольными особенностями творческой фантазии исследователя. Такое положение дел создает благоприятную почву для предвзятости, когда из множества противоречивых фактов, добытых наукой, отбираются только некоторые, отвечающие заранее созданной схеме, а остальные нарочито дисквалифицируются или вовсе замалчиваются. Примеров этому можно было бы привести очень много.

Вероятно, для пользы дела было бы лучше сначала вести по определенной программе всемерное расширение знаний о доисторическом прошлом славянства без заранее установленной концепции его происхождения, а все существующие и вновь возникающие гипотезы рассматривать только как черновые рабочие схемы, которые по мере накопления новых данных могут заменяться другими. Стремление во что бы то ни стало настаивать на своей концепции и отвергать иные точки зрения в таком еще далеко не изученном вопросе, как этно- и глоттогенез славян, — путь, ведущий не к раскрытию истины, а к тупику. Конечно, это не значит, что существующие гипотезы должны быть попросту отброшены. В них имеется много ценного, что нужно использовать при дальнейших исследованиях. Только всесторонний и по возможности беспристрастный учет всех данных и строгая критическая проверка материала может создать предпосылки для решения проблемы.

В подходе к этой проблеме на первое место выдвигаются лингвогеографические методы исследования. Надежность их зависит от разных обстоятельств, в том числе от хронологического фактора. Чем древнее эпоха, тем меньше уверенности в правильности наших предположений. Известно, что о времени и характере распада индоевропейского языкового единства высказано огромное количество разных, в том числе взаимоисключающих гипотез, которое продолжает возрастать. В частности, получило распространение мнение (ср., например, гипотезу Х. Крае), согласно которому от праиндоевропейского единства сначала отделились индоиранцы, хеттулы, прагреки и иные «окраинные» индоевропейские племена, тогда как древнее индоевропейское ядро продолжало сохраняться где-то в районе севернее Альп. С этой точки зрения славяне, балтийцы, германцы и иные «европейцы» являются относительно поздними этноязыковыми образованиями. Однако фактических доказательств для такого предположения нет. Древние индоевропейские племена ранних культур (Средиземноморье, Иран, Индия) получили или создали свои письменности в то время, когда племена центральной и восточной Европы переживали еще эпоху варварства.

Хеттский, древнегреческий и иные языки, известные нам по письменным источникам, по крайней мере во II тысячелетии до н. э. уже значительно отошли от исходного индоевропейского состояния, но это еще вовсе не означает, что другие бесписьменные индоевропейские языки, в том числе и праславянский, по своему происхождению моложе хеттского и иных древнеписьменных языков. Начало их становления остается нераскрытой тайной. Исследовать их историю целесообразно, двигаясь от известного к неизвестному. Можно с уверенностью утверждать, что праславянский язык в I тысячелетии н. э. и в века, непосредственно предшествующие нашей эре, существовал. Сравнительно-историческое языкознание реконструирует с достаточной достоверностью его структуру и процессы ее становления и развития. С VI в. имеются несомненные исторические свидетельства о славянах. По-видимому, правы те ученые, которые видят славян в

венедях, свидетельства о которых относятся к началу нашей эры. Есть исторические сведения о племенах и племенных группировках, которые соседствовали или могли соседствовать со славянами. Значит, имеются некоторые отправные данные и для локализации прародины славян, а также для установления относительной хронологии некоторых инноваций в их языке, подготовивших в конечном счете почву для образования отдельных славянских языков.

Почти все компаративисты сходятся на том, что наиболее близкие связи праславянский язык имел с прабалтийским языком. Как бы ни истолковывать эту близость (толкования ее очень различны), она несомненно свидетельствует о том, что праславяне длительное время находились в длительном контакте с прабалтами. Установлено, что ядром прабалтов в конце I тысячелетия до н. э. — в начале н. э. была область, прилегающая к юго-восточному изгибу побережья Балтийского моря. Что касается их восточных границ, то они остаются еще не определенными, и на этот счет имеются взаимоисключающие гипотезы. Когда появились балтийские племена в северном Поднепровье и верховьях Оки, как далеко они заходили на юг от этих мест, занимали ли указанную территорию целиком или только местами — все это предстоит установить. Недостатком разысканий балтийской топонимики данных районов является то, что из внимания исследователей обычно выпадают топонимы иного, небалтийского происхождения, соседствующие с несомненными балтизмами. Так или иначе, праславяне соседствовали с прабалтами, но где проходила эта граница? Одни исследователи считают, что праславяне жили южнее и юго-восточнее прабалтов (среднеднепровско-западнобугская гипотеза), другие помещают их юго-западнее балтийских племен (висло-одерская гипотеза прародины славян).

Пока этот вопрос остается открытым. В лингвистической литературе высказывались предположения об особой близости праславянского языка к западнобалтийским диалектам, даже о происхождении праславянского языка от одного из западнобалтийских диалектов и, наоборот, о происхождении западнобалтийских диалектов от одной праславянской группы говоров. Об этих предположениях можно сказать, что они по крайней мере преждевременны. Можно надеяться, что дальнейшие всесторонние и систематические исследования древних балто-славянских взаимосвязей, культурных и языковых отношений принесут много открытий.

Очень важно исследование древних сепаратных славяно-германских отношений, которое помогло бы ответить на вопрос, соседствовали ли праславяне с прагерманцами в века, непосредственно предшествующие нашей эре, или нет. Пока что в лингвистической литературе высказывались и высказываются на этот счет взаимоисключающие предположения. Одни исследователи уверены в том, что сепаратные славяно-германские связи существовали, что нашло свое отражение в некоторых общих древних славяно-германских явлениях в фонетике, грамматических формах и лексике. Вся трудность здесь заключается в том, что, во-первых, эти явления не поддаются хронологизации и могут рассматриваться как рудименты более древних эпох, чем то время, о котором идет речь; во-вторых, не исключено их истолкование как независимых инноваций на общей исходной праиндоевропейской базе. По-видимому, внимание компаративистов должно быть приковано к широкому поискам новых данных и беспристрастной оценке всего комплекса вопросов. Другие исследователи настаивают на том, что славяно-германские контакты начались поздно, не раньше начала нашей эры. Н. С. Чемоданов, подведший итоги разысканий о славяно-германских лексических связях в I томе коллективного труда «Сравнительная грамматика германских языков», устанавливает, что лексическая общность славянских и германских языков — явление позднее, в то время как в балтий-

ских языках имеются целые пласты древнейших германских заимствований, свидетельствующих о том, что балтийцы на западе издревле соседнили с германцами². Разумеется, не следует спешить с окончательными выводами, а нужно продолжать исследования в этой области.

Перспективным является изучение славяно-иранских связей. Территория североиранских племен (скифов, сарматов и др.) и время их господства на южнорусских равнинах (от северного Кавказа до устья Дуная) известны (вторая половина I тысячелетия до н. э. — начало н. э.). В последние годы выявляются все новые и новые пласты в праславянской лексике, общие с соответствующими пластами в иранских языках. Крупнейший советский иранист В. И. Абаев недавно писал: «Бросается в глаза обилие специфических скифо-славянских сходжений. По количеству и весу сепаратные скифо-славянские изогlossы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой»³. Если эти выводы не будут опровергнуты, из этого следует только одно: во второй половине I тысячелетия до н. э. праславяне были непосредственными соседями северных иранцев. Важно, что время славяно-иранских языковых контактов поддается хронологическому определению. Очень показательно, что сепаратные ирано-балтийские языковые связи, по крайней мере по данным современной компаративистики, не идут ни в какое сравнение с сепаратными славяно-иранскими связями.

Конечно, исследование связей праславянского языка со своими соседями не должно исчерпываться установлением славяно-балтийских, славяно-германских и славяно-иранских отношений. Объектом изучения должен быть весь комплекс вопросов, имеющих отношение к древней лингвистической географии Европы и сопредельных с нею областей. Ведь обнаруживаются отдельные сходные явления в праславянском и хеттском, в праславянском и тохарском и других индоевропейских языках. Оценивая эти и иные сходства, следует непременно учитывать их характер, а именно: 1) являются ли эти сходства элементами микросистемы или же это разрозненные явления; 2) поддается ли сходство хотя бы относительному хронологическому определению. В противном случае легко впасть в произвол субъективных толкований.

Большое значение для определения пространственно-временных координат праславянского языка имеет анализ пластов древнего словарного состава, содержащих в себе локально-темпоральные признаки. Уже теперь успехи праславянской лексикологии и лексикографии можно считать значительными. Очерчиваются общие границы состава праславянской лексики. В этимологическом словаре славянских языков, который подготавливается О. Н. Трубачевым и его сотрудниками, будет представлено свыше десяти тысяч праславянских слов. Среди них многие сотни слов относятся к нарицательным географическим наименованиям, к обозначениям локальных особенностей живой и неживой природы. Собран богатый материал по нарицательным географическим названиям (восточнославянская лексика этого рода представлена в трудах Н. И. Толстого, М. Юрковского, И. Я. Яшкина, В. М. Мокиенко, В. А. Никонова, Т. А. Марусенко и других исследователей), по отдельным славянским языкам почти исчерпывающе. Предварительные исследования (К. Мошинского, автора этих строк и др.) показывают, что праславянскому языку были чужды слова, обозначающие специфические особенности природы степей, гор и морей. В современных славянских языках такие слова являются или заимствованиями или поздними образованиями. Само название

² «Сравнительная грамматика германских языков», I, М., 1962, гл. I.

³ В. И. Абаев, Скифо-европейские изогlossы, М., 1965, стр. 135.

степь в письменности появляется только в XVII в., этимология его не выяснена (по-видимому, оно заимствовано). Исконно славянское *поле* истари многозначно, причем значение «степь» неисконно. Ср. также такие относительно поздние заимствования или новообразования, как др.-русск. *евшан* «степная полынь», *типча́к* (степная трава), *тушканчик*, *черепаха*, *сайгак*, *байбак* и т. д. Праславянское *гора* означает и возвышенность и лес, что делает вероятным предположение о его древнем значении «холм, возвышенность, покрытые лесом». Наименования особенностей, типичных для горного ландшафта, — *хребет*, *гребень*, *ущелье*, *планина* (полонина), *пик* и пр., — явно поздние (свидетельство тому — их переносные значения, производный характер образования, иноязычное происхождение). Слово *море* в разных славянских диалектах означает также «болото; озеро», в других индоевропейских языках отмечены те же значения, а также «залив» (ср. литов. *mārios* «Куршский залив»); *лу́жа*; *море*. Этимологи не без основания полагают, что древнейшим значением слова *море* было «болото; озеро; небольшой водоем». Названия рыб и животных Балтийского моря — *сельдь*, *салака*, *треска*, *минога*, *килька*, *бельдюга*, *тюрбо*, *тюлень* и др. — в большинстве своем являются заимствованиями или поздними новообразованиями. Слова *лосось* и *угорь*, которые широко использовались в различных гипотезах о членении и географии индоевропейских языков, обозначают рыб, хорошо известных и в реках балтийского бассейна. Обозначения таких особенностей ландшафта, как *остров*, *залив*, *мыс* и др., не связаны с особенностями морской топографии: они или «речного» происхождения, или являются поздними образованиями или заимствованиями. Праслав. **o-strovъ* имеет значения «то, что обтекается (связано с словами *струя*, *струмень*)»; *речной остров*. Ср. значение серб.-хорв. *ђток* «остров», т. е. то, что обтекается. Понятия «залив», «мыс» и пр. передаются в славянских языках различными словами.

В то же время масса исконнославянской лексики древнего происхождения обозначает реалии, характерные для лесистой местности умеренного климата. Таковы названия особенностей ландшафта — *озеро*, *пруд* («быстрое течение в реке», к* *pręd-* «прыгать; скакать, прядать»), *болото*, *багно*, *болонье*, *бор*, *лес*, *пуща*, *дуброва*, *бор*, *луг* и многие другие; названия деревьев — *дуб*, *береза*, *липа*, *осина*, *ясень*, *клен*, *орех*, *ольха*, *ива*, *рябина*, *верба*, *сосна*, *ель* и т. д.; названия диких животных, птиц и пресноводных рыб — *медведь*, *волк*, *лиса*, *заяц*, *рысь*, *лось*, *олень*, *тур*, *зубр*, *вепрь*, *соболь*, *куница*, *ласка*, *горностай*, *гусь*, *утка*, *лебедь*, *голубь*, *стриж*, *ворон*, *ворона*, *соловей*, *скворец*, *дятел*, *сом*, *окунь*, *язь*, *лινь*, *елец*, *лец*, *щука* и т. д. Любопытны наблюдения К. Мошинского, согласно которым названия деревьев, специфичных для Западной и Центральной Европы, в славянских языках являются заимствованными (*бук*, *явор*, *модрев* «западноевропейская лиственница», *тис* и др.)⁴.

Таким образом, по предварительным данным праславянской лексикологии, праславяне занимали (по крайней мере, во второй половине I тысячелетия до н. э. — в начале н. э.) лесистые земли умеренного климата, обильные реками, озерами и болотами и в то же время не включавшие в свой состав степи, горы и приморские области. Конечно, это еще не окончательные результаты. В этом плане надлежит обстоятельно исследовать всю праславянскую лексику без каких-либо существенных пропусков с дальнейшим уточнением этимологий, далеко не всегда являющихся бесспорными. На этом пути можно ожидать еще немало открытий.

⁴ К. Mo s z y ŋ s k i, Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, Wrocław — Kraków, 1957.

Некоторые лингвисты подвергают сомнению значение показаний праславянской лексики в освещении проблемы происхождения славянских языков. Эти лингвисты указывают на то, что значения слов типа приведенных изменялись и крайне проблематична возможность установления их семантического развития, что климатические, а особенно ботанические и зоологические зоны под мощным воздействием человека постоянно менялись, что праславяне могли называть своими исконными словами природные явления, не свойственные их прародине, узнавая о них от своих соседей, и т. д. Эти возражения неосновательны. Трудности восстановления древних значений слов, конечно, имеются, но они относятся не только к интересующей нас лексике, но и к любым праславянским словам вообще. Сомнение в возможностях лексико-семантических реконструкций ведет к отказу от этимологии в целом, для которой содержательная сторона слов — один из краеугольных камней всего ее здания. А между тем достижения этимологии в установлении реальной семантики слов прошедших языковых состояний несомненны.

Конечно, проверки необходимы. Чтобы не было серьезных ошибок, очень важно привлекать данные палеоклиматологии, палеоботаники, палеозоологии, науки о палеоландшафте. Необходимо увязка истории слов с историей обозначаемых ими реалий. Следует напомнить, что всемирно известный ботаник Н. И. Вавилов сумел обнаружить первичные ареалы ряда культурных растений и проследить историю их распространения. А ведь зоны культурных растений куда более подвижны, чем зоны диких растений и животных. Что касается особенностей ландшафта, то моря, горы, степи и лесная полоса с умеренным климатом со времени праславянской эпохи в общем остались на своих прежних местах. Важно отметить при этом, что мы имеем дело не с единичными примерами, а с массовыми показаниями лексики. Наличие в праславянском языке множества обозначений природных особенностей лесной полосы с умеренным климатом и обилием рек, озер и болот и отсутствие древних названий специфических явлений степей, гор и морей — обстоятельство весьма существенное. Если можно ошибаться в анализе отдельных слов, то массовость показаний праславянской лексики невозможно приписать случайности, она лежит за границами произвола.

Серьезным подспорьем в освещении проблемы происхождения славянских языков является топонимика, которая широко используется в этногенетических исследованиях. Говоря о топонимическом источнике, следует подчеркнуть сложность истории топонимов на славянской территории и прилегающих к ней землях. Все это районы древнего заселения. Крупные топонимические объекты (большие реки, озера, горы и т. п.) получили свои наименования во времена, предшествующие образованию праславян, прабалтов, прагерманцев и иных этноязыковых единиц древности. Обычно эти наименования с различными вариациями передавались от одного этноса другому. Вот почему попытки этимологизации, например, названий таких рек, как *Одра*, *Висла*, *Дунай*, *Днестр*, *Днепр*, *Припять*, *Волга*, *Ока* и др., всегда были неоднозначными и вызывают законные сомнения. Их апеллятивы принадлежат языкам эпохи индоевропейского сообщества и других древнейших этнических объединений, поэтому эти топонимы вряд ли помогут нам в выяснении вопроса происхождения славян. Наименования собственно славянского происхождения, более поздние сравнительно с вышеупомянутыми, повсюду перемешаны с неславянскими топонимами. «Чисто славянских» по топонимике земель не существует. Можно говорить только о сгущениях или разреженном распределении собственно славянской топонимики. Однако сгущения славянских топонимов еще не являются неопровержимыми доказательствами принадлежности территории, где они наблю-

даются, к славянской прародине. Здесь нужно учитывать разные обстоятельства: возможность бурного развития топонимических инноваций в местах позднего заселения, тогда как на прародине было преобладание дославянских топонимов, всякого рода иноязычные воздействия, в результате которых могли произойти серьезные сдвиги в распределении топонимических названий, и т. п. Сама славянская топонимика имеет длительную историю. Еще предстоит выработать объективные методы выделения в ее составе древних пластов, относящихся к праславянскому периоду. По-видимому, важно учитывать повторяемость топонимов, особенно повторяемость не единичных названий, а целых комплексов. Так или иначе, топонимические данные имеют значение не сами по себе, а в соединении со всеми другими сведениями, которые дает славянское сравнительно-историческое языкознание. Разумеется, могут быть и другие историко-лингвистические подходы, кроме обсуждаемых здесь.

В настоящее время данные языка представляются наиболее надежным признаком этнических единиц, о которых нет прямых письменных свидетельств. Однако сравнительно-историческое языкознание не всемогуще. С его помощью локально-хронологические координаты древних этнических образований можно определить только приблизительно. К сожалению, мы еще далеки от того, чтобы с уверенностью сопоставлять лингвистические признаки древнего этноса с признаками, которые выдвигаются другими общественными науками. Например, есть лингвистические основания полагать, что территория, которую занимали северные племена черняховской культуры и племена зарубинецкой культуры, была славянской. Однако археологи дают разноречивые и взаимоисключающие определения этнической принадлежности этих культур. Примеров разноречия, когда речь идет об этносе древних археологических культур, в том числе на территории исторически засвидетельствованного славянства, можно было бы привести очень много. Это скорее правило, а не исключение. Между тем можно полагать, что в материальной и духовной культуре древних племен, обнаруживаемой археологами, были явления (особенно не связанные непосредственно с хозяйственной жизнью), в которых отражаются этнические своеобразия древнейшего населения. Однозначное объективное определение таких своеобразий было бы подлинной революцией в изучении истории дописьменных эпох. В отличие от языкознания археология может устанавливать локально-хронологические координаты своих объектов не приблизительно, а довольно точно. В свете точных данных археологии, в этническом отношении интерпретированных однозначно и объективно, получили бы твердую опору и лингвистические факты, как и факты других исторических наук.

К началу нашей эры славяне, имевшие уже длительную историю, занимали обширные пространства. Как полагают многие исследователи, в том числе и автор этих строк, они занимали земли между средним течением Днепра и верхним и средним течением Вислы⁵. Это были их исходные позиции перед великим расселением, которое произошло в следующие столетия. К VI в., т. е. ко времени овладения Балканским полуостровом, их племена продвинулись к нижнему и среднему Дунаю, а также в области на запад от Вислы. В VII—VIII вв. они расселились от Греции и Адриатики на юго-западе до Волхова и Ладожского озера на северо-востоке. Славяне оказались в очень различных природных, хозяйственных и культурных условиях, в разном этноязыковом окружении. Праславянское единство

⁵ Гипотеза о прародине славян второй половины I тысячелетия до н. э. изложена в книгах: Ф. П. Ф и л и н, *Образование языка восточных славян*, М.—Л., 1962; е г о ж е, *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Л., 1972.

распалось. Сохранились лишь предания о нем да языковая близость, кое-что из обычаев и верований. Распался и праславянский язык, дав начало отдельным славянским языкам и языковым группам. Распад его был подготовлен всем ходом истории, в том числе усилившимися диалектными расхождениями. Следует заметить, что выяснение того, когда мы можем говорить о диалектах и когда о самостоятельных языках, зависит не только от лингвистических данных. Известно, что современные южные и северные диалекты немецкого языка отличаются друг от друга больше, чем разнятся между собой современные восточнославянские языки, однако в первом случае мы имеем дело с диалектами одного языка, а в другом с близкородственными, но самостоятельными языками. Славянские племенные группы VII—VIII вв. преобразовывались в народности, и каждая из славянских народностей имела свой особый язык, хотя все славянские языки того времени находились в отношениях ближайшего родства. Приблизительно в это время прекращаются общие инновации, охватывающие всю славянскую языковую область. Ссылки на общеславянское падение редуцированных гласных (X—XIII вв.) и некоторые другие поздние изменения в качестве свидетельства сохранения праславянского языка в это время несостоятельны, так как результаты таких инноваций в разных славянских областях были различными. Один общий исходный материал видоизменялся в этих случаях в разных местностях и в разное время неодинаково — в отличие от многих праславянских изменений, которые были общими для всех славян и по своим результатам.

Пока что вопрос о происхождении славян, несмотря на длительную историю разработки и огромную литературу, во многих отношениях остается открытым. Время образования этноязыковой славянской общности и место нахождения древнейшего славянского населения не выяснены. Проблему происхождения славян и славянских языков нужно решать в содружестве лингвистов с историками, археологами, этнографами, антропологами, представителями других смежных дисциплин. Выдвижение новых аспектов, совершенствование методов исследования — условия успешного решения поставленной задачи.
